

Феномен «двух исторических правд»

Борис ЛЕПЕШКО,
кандидат философских
наук, доктор исторических
наук

Любой исследователь, обращаясь к прошлому, сталкивается с феноменом, название которого вынесено в заголовок данной статьи. Но на фоне отсутствия исследований, посвященных изучению его сути, складывается парадоксальная ситуация: получается, что феномен есть и в то же время его как бы и нет. С одной стороны, многие и постоянно твердят о том, что в истории присутствует не одна, а несколько «правд», а с другой – данность такого рода воспринимается как гносеологическая аксиома, как нечто метафизическое, не поддающееся рациональному объяснению.

В самом деле, к какому бы знаковому историческому событию мы ни обратились, налицо всегда некий конгломерат исторических истин. Война Алой и Белой розы: своя правда есть у Ланкастеров, своя – у Йорков. В иной исторической ситуации своя правда у кардинала Ришелье и у герцога Бекингема. Чуть позже: претензии на историческую правду по поводу начала Второй мировой войны по-разному излагают Н. Чемберлен, У. Черчилль, Ф. Рузвельт, классики советской историографии. Что касается революции 1917 года, здесь вообще переплетение «правд». Все, как один, любят Россию, все желают ей добра и защищают свое понимание этой любви и добра с ожесточением, приведшим к гражданской вой-

не и множеству жертв. Своя истина у кадета П. Милокова и у большевика В. Ленина, у Петра Столыпина и у Бориса Савинкова.

То же самое происходит в современном контексте – возьмем, скажем, перестройку, события 1991 и 1993 годов. Да, времени прошло немного, но очевидно: «правд» исторических ровно столько, сколько политических течений, идеологий, точек зрения. И такая позиция консервируется на многие десятилетия или даже столетия вперед. Мы передаем собственные исторические правды следующим поколениям точно так же, как язык и культуру. Конечно, слова о «двух исторических правдах» всего лишь метафора. Их может быть сколько угодно в зависимости от обстоятельств, места и времени, разработанности темы, политической ангажированности и т.д. Дело не в множественности трактовок, а в самом феномене: почему он возможен, какова его суть и гносеологические границы, как относиться к самому такому явлению и надо ли вообще бить по этому поводу в теоретические колокола.

Если говорить сугубо формальным языком, то перед нами проблема объективности исторического знания, его критериев, вообще возможности исторической истины как таковой. За последние десятилетия постмодернистскими теоретиками, в частности, сделано немало для того, чтобы убедить нас: исторической истины вообще не существует, надо просто примириться с тем, что «правд» много, и с этой реальностью

ОБ АВТОРЕ

ЛЕПЕШКО Борис Михайлович.

Родился в 1955 году в г. Волковыске Гродненской области. В 1978 году окончил Гродненский университет имени Я. Купалы. Работал заведующим орготделом Гродненского горкома ЛКСМБ (1978–1980).

В 1983–1985 годах – доцент Брестского строительного института. С 1985 по 1991 год – лектор Брестского горкома КПБ, инструктор, заместитель заведующего отделом, заведующий идеологическим отделом Брестского обкома КПБ. С 1991 по 1995 год – доцент Брестского госуниверситета имени А.С. Пушкина. В 1995–2000 годах – председатель совета по делам религий и национальностей Брестского облисполкома, в 2000–2005 годах – декан юридического факультета, в 2005–2007 годах – первый проректор Брестского госуниверситета. С 2007 года – профессор БрГУ имени А.С. Пушкина, профессор Опольского университета (Польша).

Кандидат философских наук (1983), доктор исторических наук (2000), профессор философии (2001).

Автор свыше 350 научных, литературных работ, статей. Среди них монографии, сборники публицистических работ, эссе, повести, статьи.

Сфера научных интересов: логика, философия истории, методология познания.

нам необходимо жить и сегодня, и завтра. Плюрализм мнений, методологий, концепций приветствуется многими уважаемыми специалистами. Получается, никого не смущает факт путаницы, возникающей в связи с этим в головах граждан, особенно молодых. Наоборот, утверждается: наконец-то преодолен догматизм марксистского обществознания, и нам не приходится оперировать формулой «есть две точки зрения – моя и неправильная». Говори, что душа желает, а уже профессиональное сообщество решит, что надо обосновать, что можно принять без доказательств, а что отвергнуть.

Между тем стоило бы задуматься: множественность исторических «правд» – это объективно, это вообще не обсуждается или все же надо бы попытаться привести их к единому знаменателю? Кстати, российские коллеги, долгое постперестроечное время находившиеся в состоянии бесконечного множества «правд», после прозвучавшего недавно из Кремля требования как-то определиться по принципиальным историческим моментам пришли к выводу, что единая «правда» должна быть, как минимум, в исторических учебниках. Проект таких трудов уже выносится на обсуждение общественности. Но как же тогда быть с уникальной позицией критически мыслящего субъекта, с тезисом об обусловленности точки зрения историка окружающей средой, воспитанием, образованием, политическими взглядами, мировоззрением и т.д.? Не получается ли, что госзаказ нивелирует многочисленные исследовательские «Я»? Или все вдруг (на время?) согласились с объективистским по сути мнением классика немецкой исторической школы Л. фон Ранке?

Зачастую в таком контексте приходится слышать призыв к опоре на фактически достоверное знание. Но что считать таким знанием? Обычно под ним принято подразумевать аргументированность критического анализа источников, а также понимание того, что решение проблемы достоверности не может быть конечным пунктом гносеологического анализа, а лишь его исходной предпосылкой. Следовательно, принципиально важно, из чего исходить, на что опираться. Вариантов два: либо на достоверность как на оценочную категорию, но тогда и смысл в ней ограниченный, либо на нее же как категорию исходную, когда объективная критика источников, по

сути, есть предпосылка понимания и оценки, движения вперед.

К этому надо обязательно добавить важность методологических предпочтений историка. Вот, скажем, историк-марксист (в чем, кстати, нет никакой гносеологической ущербности): я изучаю тот мир, который не я создал и который останется после того, как я перестану его изучать. Отсюда известный вывод о первичности бытия и вторичности сознания и соответствующая схема понимания исторических явлений, выявление приоритетов. Здесь роль субъекта познания всегда вторична, мир познаваем, а истина может быть и объективной, и единственной. А вот одна из разновидностей идеализма: я сам создаю исторические факты. Историк имеет дело не с прошлым, а с собственным сознанием, в котором воссоздается это прошлое. Главная задача историка – не установление достоверных фактов, а установление, в каком отношении этот факт относится к моей воле. Далее прислушаемся к известному методологу Карлу Беккеру, заявившему в докладе Американской исторической ассоциации, что «исторический факт следует искать не в архивных документах, а в мыслях людей, следовательно, поле исторических исследований есть человеческое воображение» [1, с. 39]. Здесь исторический релятивизм доведен до своей крайности.

Причем главное заключается даже не в существовании разногласия мнений, а в поиске источника имеющих расхождений. Сегодняшний уровень научного знания позволяет говорить о приоритете субъективности. Возвращение к категориям объективности в любом их виде – марксистском, позитивистском – непопулярно. Причина этого коренится и в характере понимания специфики общественных наук, и в теоретическом разочаровании достижениями марксистской методологии и соответствующей социальной практики. В немалой степени она обуславливается также историографической практикой в постсоветских странах.

Известно, что Карл Маркс пытался вывести историю за пределы субъективности. Объективным критерием, благодаря которому она станет полноценной наукой, он считал приоритет бытия над сознанием. Но, получается, большинство историков-методологов отвергли такой подход. Веро-

ятно, это связано с процессом дальнейшего раскрепощения исторического сознания. Не исключено, что речь идет о невозможности для общественных наук в принципе добиться статуса признанной научности. Но факт остается фактом: субъективный подход ныне правит теоретический бал, и сторонники объективного подхода к истории могут апеллировать лишь к стихийному марксизму, позитивизму, не слишком афишируя свои предпочтения. Хотя стоит признать и иное: несмотря на поклоны, которые отвешиваются сегодня теоретическому плюрализму, на стихийном уровне многие исследователи продолжают руководствоваться привычными и апробированными позитивистскими клише. Что лежит в основе их выбора? Понимание того, в частности, что история, ушедшая в прошлое, безальтернативна. Раз она безальтернативна, то о каком «бесчисленном множестве исторических истин» можно вообще говорить? Нельзя не учитывать элемент преемственности. Ни один историк не начинал свою работу с «чистого листа», он всегда использовал опыт и достижения предшественников. По мнению известного российского специалиста Н. Смоленского, «эта ситуация познания принципиально отличается от той, которая следует из пресловутого тезиса: «Сколько историков, столько и истин, каждый историк по-своему прав» [2, с. 182].

Чрезвычайно важно подчеркнуть: общество, общественные отношения всегда нуждались в конкретном, ясном, недвусмысленном толковании прошлого. Можно тысячу раз утверждать, что революция 1917 года была переворотом, заговором, что это событие теории могут интерпретировать совершенно разными теоретическими способами и в различных смысловых плоскостях, но очевидно: такой подход оставляет ощущение неудовлетворенности. Достаточно затруднительно согласиться и с тем, что существование многих точек зрения на один и тот же предмет называют «нормальным». Ненормально, когда белое называют одновременно черным, серым и оранжевым. Ненормально, когда герой в то же время может быть предателем, а изменник воплощать национальный позитивный идеал. Видимо, должны существовать некие гносеологические границы теоретической вседозволенности, хотя, безусловно, опреде-

лить их достаточно сложно. Но ведь определяют – когда силой авторитета государства или профессионального сообщества, когда влиянием общественного мнения. Все же цель исторического исследования – не в предложении еще одной интерпретационной модели, а в поиске истины.

Нельзя не сказать несколько слов о сугубо метафизическом контексте проблемы, вообще-то непопулярном среди историков-практиков. Дело в том, что, размышляя об источниках «множественности правд», не избежать апелляции к умозрительным категориям. Часто говорят не только о сугубо рациональной, верифицируемой истории, но и об «истории-правде», истории, апеллирующей к категориям мистики, об истории как внерациональном образовании, связанном с ментальностью, психологией, вмешательством в дела человеческие божественного первоначала. Вспомним Леопольда фон Ранке, говорившего, что государство есть духовная общность, замысленная Богом. Историки-эмпирики не приветствуют такой подход, привычно обращаясь к аристотелевским силлогистическим конструкциям, но ведь здесь действительно вряд ли обойдешься одними рациональными замечаниями. Разве не задумываешься применительно к истории о феномене предопределенности, предрасположенности социума к тем или иным путям развития? Это же касается вполне закономерных ожиданий воспитательного эффекта от обращения к историческому контексту. Разве здесь все разложено исключительно по рациональным полочкам и нет места для вполне добротной метафизики, скажем, мыслей о незримой связи поколений, о единстве ценностного потенциала конкретного общества, о преемственности выбора цивилизационного пути?

Сегодня часто можно услышать мнение, что современное историописание есть ключевой момент национального строительства. Но как при этом отделить рациональные соображения от внерациональных? Совсем не зря немецкие историки XIX века достаточно часто апеллировали к «немецкому духу», и он, этот дух, был для общества не менее ясной категорией, чем «государство» или «нация». Должен быть не менее востребован историками и феномен коллективной памяти. Будучи массовым представлением о прошлом на групповом уровне, она плохо

поддается попыткам изменить ее содержание. Коллективная память не просто некий мертвый реликт прошлого, она постоянно возобновляется в новых поколениях. Ее наиболее значимые черты образуют то, что сегодня мы называем идентичностью и за что общество продолжает бороться на всех уровнях. А проблема преодоления исторических травм? В настоящее время более 70 стран заняты решением проблемы в форме не просто морального переживания, а именно в форме государственной политики и общественно-правовых действий, включающих этические, психологические и прочие составляющие. А вопросы идеологического характера? Ведь «чем более идеологичен процесс нациестроительства, тем больше требуется научной аргументации» – с этим замечанием шведского профессора П. Аронсона нельзя не согласиться.

Наука все же должна основываться на тех концепциях прошлого, которые разделяются большинством исследователей. Механизма их определения в настоящее время не существует, но уверенность в востребованности такого рода концепций, такого рода механизмов крепнет. Дело в том, что навязываемая (и уже навязанная!) обществу концепция «двух правд» дезориентирует не только специалистов, которые с трудом «переваривают» обилие взглядов, теорий, «прочтений» и интерпретаций. Дезорганизуется и общество, которое начинает плохо представлять себе, что же в его прошлом было ценно, а что подлежит моральной обструкции. Возьмем ситуацию на постсоветском пространстве. Во многих республиках бывшего СССР начали поспешно и в ряде случаев успешно выстраивать сугубо национальные истории, которые стали иметь несомненный приоритет перед историей всеобщей. В качестве сиюминутной цели, которая основывается на задачах национального строительства, это, возможно, оправданно. Но порой создается впечатление, что здесь в противоречие с такого рода национальными приоритетами вступает наше понимание единства мира, человечества в целом. Мне кажется, надо четко разделять временный, связанный с конкретными национальными задачами процесс формирования суверенных государств, где национальной истории отводится определяющая роль, и процесс «встраивания» национальной истории в

историю мировую. Последнее подразумевает согласие ученых, общественности по принципиальным вопросам мирового развития, понимание единства мировой истории и наличия общих задач, которые стоят перед всеми национальными историческими кадрами. При этом важно избегать крайностей, поскольку национальный изоляционизм вряд ли приведет к позитивным результатам. Но точно так же «всеобщность» истории не должна исключать понимание специфики своего исторического пути и собственных достижений.

Отдельно стоит остановиться на понимании роли истории в чрезвычайно актуальном для нас сегодня формировании национальной идентичности. Известен посыл: история как раз и формирует идентичность. Однако не приводит ли акцент на собственной истории к тем или иным националистическим проявлениям? Как писал известный историк Э. Хобсбаум, «все человеческие индивиды, коллективы и институты нуждаются в прошлом, но исторические исследования раскрывают только его случайные моменты. Стандартный случай национальной идентичности, привязанной к прошлому через мифотворчество, облеченное в одежды истории, есть не что иное, как национализм» [3, с. 50]. По мнению ученого, именно школьные учебники и есть то самое место, где из истории чаще всего рождается миф. Данный аспект напрямую связан с феноменом «двух правд».

В национальной исторической науке продолжается жесткое соперничество разного рода подходов к отечественной истории, причем горизонты этого соперничества прячутся в тумане будущего. Какую бы серьезную тему мы ни взяли, какую бы интерпретационную версию ни выбрали, мы легко найдем разное прочтение, альтернативу ей. Скажем, история войны 1812 года, о которой недавно столь много говорили и писали, вызвала к жизни целую литературу, причем оценки событий там даны противоположные. История Великой Отечественной войны продолжает атаковаться разного рода критиками, которые пытаются отыскать новые факты для достижения сугубо современных и, как правило, политических целей. Даже обращение к истории наших городов дает возможность появления альтернативных точек зрения на процесс их развития.

Популярный ныне подход предполагает восхищение этим процессом: дескать, это свидетельство столь любимого нами плюрализма мнений и подлинной свободы. Однако представляется, что здесь нужны некие коррективы нашего понимания происходящего в данной сфере. Видимо, надо говорить и о том, что исторический релятивизм пагубен не только как модель понимания этой науки. Он пагубен и для общества как дезорганизующая его модель. Пора, когда мы удивлялись и восторгались тем, что по

поводу одного и того же исторического факта существует масса интерпретационных вариантов, должна уступить место новой, где речь пойдет не только об интерпретациях, но и о научном, общественном консенсусе. Вопрос в приоритетах: что важнее, изобрести очередную интерпретацию или все же выстроить модель понимания, которая найдет поддержку у большинства представителей научного цеха и у общественности?

Конечно, консенсус по важнейшим фактам национальной истории предполагает зрелость общества и научных кадров, готовность к компромиссу и желание его найти. Надо признать: этот период зрелости у нас еще впереди. Мы переживаем фазу противоборства, когда желание доказать собственную правоту порой оказывается выше желания найти истину. Но хорошо уже то, что рождается осознание важности гносеологических проблем как проблем нашего собственного будущего. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Кукарцева, М.А. Трансформация эпистем: познание истории в ускользающем мире. Вместо введения // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / отв. ред. М.А. Кукарцева. М., 2011. – С. 3–49.
2. Смоленский, Н.И. Теория и методология истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.И. Смоленский. – 2-е изд. – М.: Изд. центр «Академия», 2008. – 272 с.
3. Тишков, В.А. Новая историческая культура / В.А. Тишков. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – 60 с.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Требования к оформлению научных публикаций составлены в соответствии с главой 5 Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации, утвержденной постановлением президиума Высшего аттестационного комитета Республики Беларусь от 24.12.1997 года № 178 (в редакции постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 22.02.2006 года № 2).

Условия приема авторских материалов в журнал «Беларуская думка»

1. Принимаются рукописи, ранее не публиковавшиеся.
2. Редакция принимает рукописи в двух экземплярах (не ксерокопия), напечатанные шрифтом Times New Roman, 14-й кегль, межстрочный интервал – полуторный, объем статьи – до 10 страниц.
3. Статья должна содержать:
 - индекс УДК;
 - фамилию, имя, отчество автора (авторов), название статьи на русском и английском языках;

- резюме объемом 400–450 знаков на русском или английском языках;
 - введение (с поставленными задачами), основную часть, заключение (с четко сформулированными выводами);
 - список цитированных источников, оформленный в соответствии с требованиями ВАК Республики Беларусь.
4. Материал визируется автором.
 5. Наличие электронного варианта статьи (дискета, компакт-диск, флеш-носитель).
 6. Иллюстративный материал предоставляется отдельными графическими файлами.
 7. Данные об авторе (0,5–1 страница): телефон, адрес электронной почты, место работы, должность, ученая степень, звание, сфера научных интересов.
 8. Рецензия (внешняя или внутренняя).

Материалы, в которых не соблюдены перечисленные условия, не принимаются к рассмотрению редакцией. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция оставляет за собой право осуществлять отбор, дополнительное рецензирование и редактирование статей.